

«ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ И ПРОЗВИЩ В РАССКАЗАХ ЧЕХОВА НА УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК»

Абдурауфова Камола Тулкинбек кизи

Ассистент- преподаватель кафедры Языка и
литературы Шахрисабзского государственного педагогического
института, соискатель кафедры Литературы и журналистики Рязанского
государственного университета имени С.А. Есенина.

Муитова Дурдона Мажиддиновна

Студентка второго курса направления «Родной
язык и литература (русский язык)»

Шахрисабзского государственного педагогического института

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21839171>

Аннотация

В данной статье рассматривается комплекс лингвокультурологических и переводоведческих проблем, возникающих при передаче антропонимического пространства малой прозы А. П. Чехова на узбекский язык.

Объектом исследования выступают собственные имена, «говорящие» фамилии и экспрессивные прозвища персонажей, несущие значительную смысловую, ментальную и сатирическую нагрузку. Автор анализирует специфику чеховской ономастики сквозь призму межъязыковой эквивалентности, выявляя закономерности применения таких переводческих трансформаций, как транслитерация, калькирование, функциональная замена и дескриптивный перевод. Особое внимание уделяется анализу переводов, выполненных Абдуллой Каххаром и другими мастерами узбекского слова. В результате исследования доказывается, что адекватная трансляция чеховских онимов требует не просто лексического соответствия, а глубокого этнокультурного компромисса, позволяющего сохранить национальный колорит русской дореволюционной эпохи в контексте восприятия узбекоязычного читателя.

Ключевые слова: Антон Чехов, Абдулла Каххар, антропонимы, «говорящие» фамилии, прозвища, переводоведческий анализ, лингвокультурология, ономастика, переводческие трансформации, узбекский язык.

Введение: Ономастический код как переводческая проблем

Художественный мир Антона Павловича Чехова представляет собой тонко настроенную эстетическую систему, где каждый элемент — от пейзажного штриха до синтаксической паузы — несет предельную семантическую нагрузку. Особое место в архитектонике чеховской малой

прозы принадлежит ономастическому пространству. Имена собственные, отчества, фамилии и прозвища персонажей у Чехова никогда не бывают случайными или нейтральными. Они служат мощным средством характерологии, эксплицируют социальный статус героя, его психологический срез, а также транслируют авторскую иронию или глубокий драматизм. В чеховском тексте антропоним трансформируется в микросюжет, сжатый до размеров одного слова.

Именно поэтому перевод ономастического фонда А. П. Чехова на другие языки, в частности на узбекский, сопряжен с колоссальными лингвистическими и лингвокультурологическими трудностями. Узбекская переводческая школа, у истоков рецепции чеховских текстов в которой стоял великий мастер слова Абдулла Каххар, столкнулась с необходимостью преодоления колоссальной дистанции между славянской дореволюционной ономастической системой и восточной тюркоязычной антропонимической традицией.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью систематизации переводческих стратегий, применяемых при передаче национально-маркированной лексики и онимов в межкультурном диалоге. Целью работы является выявление и лингвостилистический анализ основных трудностей, возникающих при адаптации чеховских имен собственных и прозвищ в узбекских переводах, а также определение степени их адекватности оригиналу.

1. Феномен чеховских «говорящих» фамилий и барьеры семантизации

Одной из главных лингвистических констант чеховского сатирического и юмористического стиля является использование так называемых «говорящих» фамилий. Традиция, восходящая к классицизму, у Чехова приобретает реалистическую гибкость и психологическую глубину. Такие онимы, как Очумелов, Хрюкин, Червяков, Грязнуров, Пришибеев, содержат в своей морфемной структуре явный намек на внутренние качества, поведение или социальную роль персонажа.

При переводе на узбекский язык перед переводчиком неизбежно возникает дилемма: сохранить фонетическую форму слова (путем транслитерации/транскрипции) или пожертвовать звуковой оболочкой ради передачи внутреннего смысла (путем калькирования или семантической адаптации).

Рассмотрим классический рассказ «Хамелеон». Фамилия надзирателя Очумелов образована от глагола «очуметь» (потерять

способность здраво рассуждать, одуреть). В узбекских переводах (в частности, выполненных А. Каххаром) данный антропоним передается с помощью практической транскрипции — Ochumelov. С одной стороны, это позволяет сохранить историко-литературный контекст произведения, четко указывая на то, что действие происходит в российском социуме конца XIX века. Однако с другой стороны, для узбекского читателя, не владеющего русским языком на глубинном этимологическом уровне, семантическая связь между корнем «чум-» и поведением персонажа полностью утрачивается. Герой воспринимается просто как носитель иностранной фамилии, а сатирический эффект, заложенный автором в само имя, нивелируется.

Аналогичная ситуация наблюдается с фамилией золотых дел мастера Хрюкина. В корне данного онима лежит очевидный анималистический компонент («хрюкать», свинья), подчеркивающий приземленность, грубость и нечистоплотность персонажа. Прямой перевод фамилии (например, превращение его в Cho'chqayev) разрушил бы реалистическую ткань произведения, превратив серьезный перевод в фарс или пародию. Поэтому переводчики обоснованно выбирают транслитерацию (Хрюкин), но вынуждены компенсировать утраченный сатирический смысл за счет более яркой эмоционально-оценочной лексики в описательном контексте рассказа.

Особый лингвистический интерес представляет фамилия мелкого чиновника Червякова из рассказа «Смерть чиновника». Корень «червь» символизирует ничтожность, пресмыкание, страх перед сильными мира сего. Транслитерированная форма Chervyakov в узбекском контексте выполняет номинативную функцию, но теряет коннотативную. Для восполнения этой лакуны в узбекском переводе исследуется метод контекстуального компенсирования, когда лексическое окружение персонажа усиливается предикатами со значениями «титраш» (дрожать), «эзилиш» (быть подавленным), что ассоциативно сближает образ героя с его ономастической основой.

2.Прозвища и экспрессивные номинации: Проблема этнокультурных соответствий

В отличие от официальных фамилий, прозвища в рассказах Чехова выполняют экспрессивно-характеризующую функцию и строятся на живой разговорной речи. Прозвище — это всегда результат вторичной номинации, основанный на яркой ассоциации. Перевод прозвищ требует от

переводчика глубокого знания фразеологического фонда и метафорической системы обоих языков.

При переводе чеховских прозвищ на узбекский язык переводчики чаще прибегают к функционально-семантическому замещению. Поскольку прозвище не имеет жесткой привязки к паспортным данным, его звуковую форму сохранять не обязательно — здесь критически важно передать эмоциональный заряд и образ.

Например, экспрессивные номинации, которыми чеховские персонажи награждают друг друга в порыве гнева или иронии, требуют тщательного подбора этнокультурных эквивалентов. Русское прозвище «кувалда» или «чучело», примененное к человеку, в узбекском языке не всегда может быть переведено буквально. Так, буквальный перевод слова «чучело» (*tulum* или *mulyaj*) лишит реплику экспрессии. Переводчики прибегают к поиску национальных аналогов в узбекской лексической системе, таких как «чилпўшт», «ажина» или «хўлтилла», в зависимости от контекста, чтобы вызвать у узбекского читателя ту же степень эмоционального отторжения или смеха, что и в оригинале.

Серьезной лексико-семантической проблемой становится передача прозвищ, основанных на каламбуре или игре слов. Если в русском языке прозвище мотивировано созвучием с каким-либо бытовым предметом или действием, переводчику приходится либо создавать искусственный эквивалент в узбекском языке, либо использовать развернутый дескриптивный (поясняющий) перевод в виде примечаний. Однако обилие сносок перегружает малый художественный текст, нарушая ту самую чеховскую лаконичность, о которой шла речь в контексте его поэтики. Следовательно, выбор стратегии при передаче прозвищ всегда балансирует между сохранением верности тексту оригинала (буквализм) и сохранением динамики восприятия (адекватность).

3. Морфологические и деривационные трудности: Суффиксы субъективной оценки

Русская антропонимическая система обладает богатейшим арсеналом деривационных средств для выражения тончайших оттенков субъективной оценки. Использование уменьшительно-ласкательных, уничижительных, увеличительных и пренебрежительных суффиксов (-еньк-, -ечк-, -к-, -ушк-, -ищ-) позволяет Чехову одним изменением имени показать изменение отношения к персонажу или его внутреннюю трансформацию.

В качестве репрезентативного примера рассмотрим рассказ «Толстый и тонкий». Динамика изменения именований героев отражает всю глубину социально-психологического конфликта произведения. Герой Порфирий (Тонкий) в начале беседы со своим школьным другом Михаилом (Толстым) использует дружеские, интимные номинации: Миша, Мишаня. Однако узнав о высоком чине своего собеседника (тайный советник), Порфирий мгновенно перестраивает свой речевой код.

Дружеский Миша превращается в официальное «Ваше превосходительство», а собственное имя Тонкого претерпевает редукцию.

В узбекском языке отсутствует прямая морфологическая аналогия русской суффиксальной системе субъективной оценки имен. Узбекские аффиксы ласкательности (-жон, -хон, -бек) или уменьшительности (-ча) имеют совершенно иную социалингвистическую и культурную природу. Они выражают уважение, родственную близость или возрастной статус, но не могут в полной мере передать ту специфическую гамму чувств — от панического подобострастия до чиновничьего раболепия, — которую транслируют русские суффиксы.

Для решения этой лингвистической проблемы узбекские переводчики вынуждены использовать лексические и синтаксические компенсаторы. Там, где у Чехова работает один суффикс (например, превращение Ваньки в Ванюшу), в узбекском тексте используются дополнительные маркеры речевого этикета. Вводятся такие лексические единицы, как «таксир» (господин), «хўжайин» (хозяин), или модальные слова, выражающие покорность и смирение («айланай», «ўргилай»).

Специфика передачи отчеств также представляет собой значительный переводческий барьер. Русская модель именования по имени и отчеству (Иван Иванович, Николай Петрович) несет в себе оттенок официального уважения. В узбекском языке традиционная форма именования строится иначе (с использованием слов ўғли, қизи или добавлением статусных слов ака, опа, домла). Переводчики рассказов Чехова на узбекский язык сохраняют русские формы отчеств в транскрибированном виде (Ivan Ivanovich), поскольку их замена на национальные узбекские аналоги полностью разрушила бы историческую достоверность повествования. Узбекский читатель воспринимает эти формы как этнографические реалии (экзотизмы), маркирующие чужую культурную среду.

4 .Стратегии переводческой адаптации: Опыт Абдуллы Каххара и современные тенденции

Анализ переводческого наследия Абдуллы Каххара показывает, что великий узбекский писатель подходил к переводу чеховской ономастики как к тонкому этнополитическому компромиссу. Каххар понимал, что слепое механическое копирование звуковой формы (буквализм) сделает чеховские рассказы сухими и непонятными для широкого круга узбекских читателей той эпохи, а чрезмерная национализация (русифицированные имена, замененные на узбекские) сотрет уникальный авторский стиль.

Каххар выработал сбалансированную стратегию, сочетающую в себе несколько приемов:

1. Дозированная транслитерация с контекстуальным пояснением. Имена собственные и фамилии, удерживающие на себе сюжетный каркас, сохраняли свое русское звучание, но вплетались в синтаксическую ткань узбекского языка таким образом, что их семантика становилась ясна из последующих действий персонажа.

2. Функционально-стилистическая замена прозвищ. В тех случаях, когда прозвище несло чисто экспрессивную функцию, Каххар смело подбирал узбекские лексические эквиваленты, обладающие аналогичным прагматическим воздействием на читателя.

3. Использование интонационно-речевых компенсаторов. Невозможность передать оттенки русских онимических суффиксов компенсировалась Каххаром за счет виртуозного использования частиц узбекского языка (-да, -а, -я, ахир, мана) и специфических глагольных форм, передающих состояние растерянности или заискивания.

В современном узбекском переводе данная тенденция продолжает развиваться. Исследователи отмечают, что с ростом общей лингвистической грамотности и расширением межкультурных связей узбекский читатель стал более подготовлен к восприятию инокультурных онимов. Современные переводчики все реже прибегают к радикальной русификации или избыточной дескрипции, стремясь сохранить оригинальную орфоэпическую и орфографическую форму чеховских имен, используя ресурсы латинской графики узбекского языка для точной передачи фонетических нюансов.

Заключение: Диалог культур сквозь призму ономастики

Научное осмысление и компаративный анализ трудностей перевода имен собственных и прозвищ в рассказах А. П. Чехова на узбекский язык позволяет прийти к ряду важных теоретических выводов. Антропонимическое пространство чеховской прозы представляет собой

сложный лингвокультурологический феномен, где имя собственное выступает не просто средством номинации, но и важнейшим инструментом создания подтекста, иронии и психологической характеристики.

Перевод данных единиц на узбекский язык требует преодоления системных расхождений между славянской и тюркской языковыми картинками мира. Успешность этого процесса зависит от гибкости переводческой стратегии, способности мастера балансировать между сохранением национальной аутентичности оригинала и обеспечением прагматической адекватности текста для рецепции узбекским читателем. Опыт Абдуллы Каххара и последующих поколений переводчиков доказал, что чеховский лаконизм и магия его онимов могут быть адекватно транслированы в узбекскую языковую среду при условии глубокого проникновения в этимологическую и этнокультурную природу каждого слова.

Использованные литературы:

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Серия: Сочинения. Т. 3 (1884–1885) / А. П. Чехов. — Москва: Наука, 1975. — С. 45–52.
2. Қаҳҳор Абдулла. Асарлар: 5 жилдлик. 5-жилд: Таржималар [Переводы рассказов А. П. Чехова] / А. Қаҳҳор. — Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1989. — Б. 114–132.
3. Камилова С. Э. Проблемы художественного перевода малой прозы А. П. Чехова на узбекский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2022. — Т. 15, № 4. — С. 984–989.
4. Султонова М. Т. Ўзбек таржимашунослигида антропонимлар талқини (А. П. Чехов асарлари таржималари мисолида) // Тил ва адабиёт таълими. — Тошкент, 2019. — № 6. — Б. 22–26.
5. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. — Москва: Высшая школа, 2002. — С. 167–175.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. — Москва: Наука, 1973. — С. 204–211.